

Научная статья
УДК 340.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.15

Original article

СОЛОВЫХ Светлана Жорисовна
Саратовская государственная
юридическая академия,
Саратов, Россия,
swetlanasolo@yandex.ru

SOLOVYKH Svetlana Zhorisovna
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ СТОРОН АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ

PROCEDURAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF PARTIES' RIGHTS IN
ARBITRATION PROCEEDINGS AMIDST THE DIGITALIZATION OF ECONOMIC JUSTICE

Аннотация. Актуальность проблемы адаптации процессуальных гарантий защиты прав сторон в арбитражном судопроизводстве к условиям цифровизации обусловлена тем, что традиционные механизмы защиты не учитывают специфические риски, возникающие в электронной среде, такие как технические сбои и алгоритмические ошибки. Цель исследования заключается в рассмотрении трансформации процессуальных мер защиты в условиях цифровизации экономического правосудия и разработке концепции цифровых мер процессуальной защиты. Методы: формально-юридический – для анализа норм АПК РФ, сравнительно-правовой – для сопоставления традиционных и цифровых инструментов, а также метод моделирования – для обоснования введения института независимого аудитора алгоритмов. Результаты: определено понятие цифровых мер процессуальной защиты, предложена их классификация по субъектам, способам инициации и объектам. Обоснована необходимость закрепления в законодательстве механизмов автоматического восстановления прав при технических сбоях. Выявлены различия между мерами защиты и мерами ответственности в цифровом процессе. Сделан вывод о необходимости императивного регулирования данных вопросов в АПК РФ для обеспечения реального равноправия сторон.

Ключевые слова: арбитражный процесс, цифровизация, процессуальные гарантии, меры защиты, электронное правосудие, аудит алгоритмов, процессуальные права, экономическое правосудие

Для цитирования: Соловых С.Ж. Процессуальные гарантии защиты прав сторон арбитражного судопроизводства в условиях цифровизации экономического правосудия / С.Ж. Соловых. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 129–137.

Abstract. The relevance of adapting procedural guarantees for the protection of parties' rights in arbitration proceedings to the conditions of digitalization is due to the fact that traditional protection mechanisms do not account for the specific risks arising in the electronic environment, such as technical failures and algorithmic errors. The purpose of the study is to consider the transformation of procedural protective measures in the context of the digitalization of economic justice and to develop a concept of digital procedural protection measures. Methods: the formal-legal method is used to analyze the norms of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation; the comparative-legal method is employed to compare traditional and digital instruments; and the modeling method is applied to justify the introduction of an independent algorithm auditor institution. Results: the article defines the concept of digital procedural protection measures, proposes their classification by subjects, initiation methods, and objects. The necessity of enshrining mechanisms for automatic restoration of rights in legislation during technical failures is substantiated. The article identifies the differences between protective measures and liability measures in the digital process. It concludes that imperative regulation of these issues in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation is necessary to ensure genuine equality of the parties.

Keywords: arbitration proceedings, digitalization, procedural guarantees, protective measures, electronic justice, algorithm audit, procedural rights, economic justice

For citation: Solovykh S.Zh. Procedural Guarantees for the Protection of Parties' Rights in Arbitration Proceedings Amidst the Digitalization of Economic Justice. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 129–137. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.15.

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие правовых систем неразрывно связано с активным внедрением цифровых технологий, что затрагивает и экономическое правосудие в Российской Федерации. Однако технологизация арбитражного судопроизводства порождает угрозы для обеспечения прав лиц, участвующих в деле. Традиционные процессуальные гарантии, изначально предусмотренные для бумажного документооборота, требуют переосмысления в условиях электронной среды.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между технологической эффективностью и обеспечением реализации процессуальных прав, которые представляют собой отраслевые средства конкретизации права на судебную защиту. В этой связи следует уделять особое внимание мерам процессуальной защиты как одному из институтов восстановления нарушенных процессуальных прав.

Цифровизация трансформирует процессуальные действия из волевых актов в технические транзакции, зависящие от корректности программного обеспечения. Подобная эволюция создает риски технических сбоев, алгоритмических ошибок и возникновения цифровой асимметрии между сторонами, что не может рассматриваться как надлежащая реализация принципа процессуального равноправия. Действующее законодательство пока не в полной мере регулирует вопросы защиты от специфических цифровых нарушений.

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Проблемы правовой защиты всегда были и остаются объектом научных исследований. Правовая защита нарушенных или оспариваемых субъективных прав и охраняемых законом интересов в объективном смысле охватывает различные по своей правовой природе средства и способы. В субъективном смысле правовая защита определяется как право на судебную защиту, согласно Конституции РФ является субъективным правом, принадлежащим физическим лицам. Однако она распространяется и на юридических лиц,

поскольку последние представляют собой объединение физических лиц¹.

Несомненно, что судебная защита неправомерно нарушенного или оспоренного субъективного материального права возможна лишь при условии реализации участниками судопроизводства их процессуальных прав, обеспечивающих полноценное и равноправное участие в состязательном процессе. Именно поэтому в предмет судебной защиты по конкретному делу входит не только спорное материальное право, но и субъективные процессуальные права участвующих в нем лиц. Причем законодательство предусматривает и специальные гарантии их защиты (процессуальные гарантии) [1].

Совокупность процессуальных гарантий, образующая их систему, определяет уровень обеспеченности процессуальных прав субъектов арбитражного судопроизводства, то есть реальность использования возможностей защиты своих прав и законных интересов в процессе осуществления экономического правосудия. Именно такой подход определяет потребность в дополнительном законодательном совершенствовании системы процессуальных гарантий [2, с. 257–274].

Исходя из общепринятой классификации процессуальных гарантий [3, с. 55; 4, с. 7–8; 5, с. 203–225] выделяют гарантии реализации и гарантии защиты процессуальных прав, то есть процессуальные средства обеспечения, гарантирующие осуществление процессуальных прав, и средства, при помощи которых осуществляется их охрана. В этом смысле в зависимости от стадий развития процессуального правонарушения меры государственного принуждения подразделяются на несколько самостоятельных видов, каждый из которых выполняет определенную функцию по предотвращению негативных последствий противоправных деяний

В отечественной правовой науке к мерам государственного принуждения наряду с обеспечительными мерами и мерами юридической ответственности традиционно относятся меры защиты. Однако в условиях

¹ См., например: По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.: постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2020 № 3-П [Электронный ресурс]. URL <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21012020-n-3-p/> (дата обращения: 16.02.2026).

цифровизации арбитражного судопроизводства данное понятие (в целях его адаптации) требует уточнения и содержательного наполнения. Причем содержательное уточнение должно основываться на уже разработанных конструкциях, которые также позволяют выявить их функциональную направленность. Выступая разновидностью мер государственного принуждения, применяемых в процессе осуществления экономического правосудия, процессуальные меры защиты выполняют три функции: восстановительную, обеспечительную и пресекающую.

Обеспечительная функция выражается в стимулировании к надлежащему исполнению процессуальных обязанностей под страхом применения мер процессуальной ответственности. Она связана с гарантированным осуществлением правомерного поведения как в форме добросовестной реализации субъективных процессуальных прав, так и в форме надлежащего исполнения процессуальных обязанностей. Поэтому основными признаками процессуальных мер защиты являются:

- отсутствие дополнительных обязанностей у лица, действия которого препятствуют осуществлению субъективных процессуальных прав другой стороной;

- способность принуждения обязанного лица к совершению действий, необходимых для устранения препятствий к осуществлению субъективного процессуального права другой стороной.

Применение процессуальных мер защиты, как и иных процессуальных мер принуждения, базируется на виновной основе, то есть на презумпции вины. В силу чего арбитражный суд не выясняет субъективную сторону процессуального деяния лица, то есть для применения процессуальных мер защиты достаточно объективно противоправного поведения, поэтому вина не входит в фактическое основание применения процессуальных мер защиты, это основание ограничивается фактом нарушения права и интереса управомоченного лица.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИРОДЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Обращаясь к теме трансформации процессуальных мер защиты в условиях циф-

ровизации экономического правосудия, необходимо пояснить некоторые методологические вопросы.

В условиях цифровизации экономической правосудия методологическая сфера правовой науки расширяет свою пространственную область исследования и включает в предмет не только нормы АПК РФ, но и алгоритмы информационных систем (например, «Мой Арбитр», «Картотека арбитражных дел»), протоколы обмена данными и технические регламенты, иные цифровые технологии, перспективы применения которых при осуществлении правосудия станут в ближайшем будущем реальными.

Процессуальное действие (подача иска, представление отзыва на исковое заявление, реализация права на участие в судебном заседании) перестает быть чисто волевым актом, зафиксированным на бумаге, и становится цифровой транзакцией, юридическая сила которой зависит от корректности работы программного обеспечения. Понятие процесса эволюционирует. И если ранее мы говорили, что арбитражный процесс представляет собой совокупность последовательно совершаемых процессуальных действий арбитражным судом и участниками арбитражного процесса, то в условиях технологизации экономического правосудия он представляется *техно-правовым гибридом*. Следовательно, процессуальные гарантии, например, реализации права на обращение в суд, теперь неразрывно связаны не только с порядком осуществления процессуальных действий, предусмотренных ст. 125 АПК РФ, но и с гарантией бесперебойности работы цифровых сервисов.

Если в классическом процессе процессуальные действия, то есть юридически значимые факты, осуществляются непосредственно субъектами процессуальных отношений и объективируются только в соответствующих актах реализации [5, с. 639–640; 6, с. 47; 7, с. 46–47], то в условиях технологизации экономического правосудия процессуальные действия могут осуществляться в технически опосредованной форме. Следует отметить, что трансформации подвергается форма действия, что не может имплицитно порождать включение в субъектный состав участников процесса нового субъекта (квазисубъекта) – оператора информационной системы (разработчик программного обеспечения, техни-

ческая поддержка суда). При таком подходе вопросы нивелирования «организационных рисков, которые обусловлены определением на законодательном уровне центра ответственности, ответственного за использование данных в цифровой форме и обеспечение защиты информации в рамках электронного правосудия и электронного документооборота в сфере правосудия» [8, с. 24] рассматриваются уже несколько в другом аспекте. Процессуальное законодательство должно быть дополнено гарантиями, которые содержательно учитывают специфические цифровые нарушения (техническая невозможность доступа к материалам электронного дела, искажение аудио-, видеопотока при проведении заседания в онлайн-формате) и распределяют риски в пользу стороны. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав должен включать специальные процедуры фиксации таких сбоев (скриншоты, системные логи) и упрощенный порядок восстановления процесса осуществления прав, что в целом соответствует принципам доступности правосудия. Учитывая необходимость введения процедуры фиксации технических сбоев, можно предложить расширение субъектного состава лиц, содействующих осуществлению правосудия, а именно закрепить процессуально-правовое положение аудитора алгоритмов, что становится актуальным в том числе и в силу развития технологии ИИ, под которой в самом обобщенном виде следует рассматривать компьютерную программу, материальный носитель, совокупность компьютеров, оборудования, различных устройств, инструмент, способный работать без участия человека [3, с. 18], а также перспектив ее использования в российской судебной системе.

Основой формирования специального процессуального института независимого аудитора алгоритмов, то есть методологической базой для оценки соответствия ИИ-систем, чья деятельность регламентирована нормами арбитражного процесса, могут выступать Азиломарские принципы ИИ². Такой подход, основанный на классической теории процессуального права, раскрывающий понятие

² Азиломарские принципы стали итогом работы конференции Beneficial AI, которая прошла в Калифорнии в 2017 г. и была посвящена безопасному применению искусственного интеллекта для пользы человечества. Asilomar AI Principles [Электронный ресурс]. URL : <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения 15.02.2026).

цивилистического процесса, дает направление не для дискуссий (в некоторых случаях приобретающих схоластический характер) о наличии нового субъекта процессуальных отношений и об «алгоритмической ответственности», а о необходимости совершенствования процессуальной формы.

В условиях технологизации процессуальные действия трансформируются из непосредственных (подписать собственноручно) в технически опосредованные (подписать усиленной квалифицированной электронной подписью), где информационная система выступает не как новый субъект права, а как обязательный элемент процессуальной формы, обеспечивающий фиксацию, передачу и валидацию юридически значимых действий. Это и составляет сущность цифрового процесса, который должен содержать процессуальные средства, обеспечивающие реализацию процессуальных прав сторон и выступающие соответствующим элементом процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном судопроизводстве.

В цифровую эпоху этот механизм дополняется специфическими «цифровыми» мерами защиты, которые компенсируют технологические риски и обеспечивают функциональную эквивалентность электронной формы процесса традиционному бумажному производству. К таким мерам защиты следует относить меры, применяемые арбитражным судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, в целях восстановления нарушенных субъективных процессуальных прав, возникших вследствие технических сбоев, алгоритмических ошибок, цифровой асимметрии или иных рисков электронного правосудия.

В круг действий, охватываемых понятием «восстановление права», по нашему мнению, следует включать действия, направленные на обеспечение неприкосновенности субъективного процессуального права, пресечение неправомерных действий либо ликвидацию последствий.

В классической теории меры защиты применяются при наличии факта противоправного поведения, нарушающего субъективное процессуальное право. В цифровой среде к традиционным основаниям добавляются новые критерии, адаптирующие традиционные основания к цифровой процессуальной форме. Так, например, традиционно

в качестве фактов противоправного поведения рассматриваются:

- неисполнение процессуальной обязанности вследствие сбоя системы (сторона не смогла загрузить отзыв в срок из-за недоступности системы «Мой арбитр»);

- нарушение права на ознакомление с материалами дела, то есть неполучение автоматического уведомления или невозможность открыть электронный документ (уведомление не дошло из-за ошибки в email либо файл поврежден при загрузке);

- затягивание процесса, злоупотребление цифровыми инструментами (массовая подача ходатайств через бот, то есть автоматизированная подача идентичных ходатайств с целью создания нагрузки на систему);

- непредставление доказательств, невозможность их представления в требуемом электронном формате, то есть доказательство существует только в бумажной форме, а у стороны нет средств оцифровки.

Фиксация данных оснований осуществляется независимым аудитором алгоритмов, который обладает соответствующими правами и обязанностями. Например, правом доступа к «черному ящику» (то есть независимый аудитор алгоритмов имеет право требовать доступ к исходному коду, весам модели и логам данных под соглашением о неразглашении, защищенным судебным приказом, отказ стороны в предоставлении кода трактуется как признание вины (презумпция непрозрачности)), правом на тестирование (то есть независимый аудитор алгоритмов может запускать «красные команды» (red-teaming), а именно атаки на алгоритм для выявления уязвимостей в ходе процесса). Как следствие, заключение независимого аудитора алгоритмов обладает квалифицированной презумпцией истинности и должно содержать не только технический вывод («код работает»), но и этический вердикт, то есть код соответствует принципам Азиломара в части X, Y, Z.

Несомненно, следует императивно закреплять нормы, которые позволяют оспорить такое заключение, но только другим аккредитованным независимым аудитором алгоритмов. Свидетель или сторонний специалист не могут опровергнуть сделанные в заключении выводы без проведения встречной алгоритмической экспертизы.

Как следствие, основанием для применения цифровых процессуальных мер защиты является не только виновное поведение субъекта, но и объективная цифровая невозможность реализации права, подтвержденная техническими логам, скриншотами или заключением независимого аудитора алгоритмов.

Функции мер защиты как направления правового воздействия на процессуальное поведение субъектов приобретают новое содержание. Так, например, восстановительная функция цифровых процессуальных мер защиты может проявляться в применении конкретных мер:

- восстановление процессуального срока, если он пропущен вследствие подтвержденного технического сбоя. При подтверждении факта технической невозможности совершения процессуального действия в установленный срок срок восстанавливается автоматически, без необходимости подачи отдельного ходатайства и доказывания «уважительности» причин в традиционном понимании. Процедурное закрепление предполагает, что система «Мой Арбитр» фиксирует сбой (например, недоступность более одного часа в рабочий день) и генерирует официальный сертификат сбоя, далее при попытке лицом, участвующим в деле, совершить действие в период сбоя система автоматически присваивает действию дату, следующую за днем устранения сбоя. Судья получает уведомление о продлении процессуального срока и проверяет корректность срабатывания механизма. Данная мера реализует восстановительную функцию защиты, устраняя негативные последствия технического сбоя для добросовестной стороны, что соответствует концепции о превентивно-восстановительной природе процессуальных гарантий;

- предоставление альтернативного канала коммуникации (бумажная почта) при длительной недоступности электронного кабинета;

- повторное направление электронного уведомления при ошибке системы доставки.

Пресекательная функция проявляется в способах локализации цифровых угроз:

- блокировке доступа к электронному делу при подозрении на несанкционированный вход;

- блокировке отзыва в форме электронного документа, загруженного с нарушением правил формата или содержащего вредоносный код;

– приостановлении автоматизированной обработки ходатайства при выявлении алгоритмической ошибки.

Обеспечительная функция проявляется в гарантировании цифровой процессуальной стабильности:

- фиксации «цифрового следа» процессуальных действий для последующей верификации;
- резервном копировании материалов дела в режиме реального времени;
- обеспечении равного доступа сторон к электронным доказательствам.

Также можно говорить о необходимости классификации цифровых мер процессуальной защиты в целях выявления их существенных признаков. Так, по такому основанию, как субъект, к которому применяются цифровые меры процессуальной защиты, с учетом того, что появляется специальный субъект – независимый аудитор алгоритмов, можно провести следующую классификацию:

– меры в отношении состава суда – отвод судьи при выявлении его аффилированности с разработчиком алгоритма, использованного при подготовке проекта решения;

– меры в отношении сторон – восстановление срока при подтверждении технического сбоя, предоставление дополнительного времени на ознакомление с объемными электронными материалами;

– меры в отношении независимого аудитора алгоритмов – обязанность предоставить логи системы (лог-файлы, журналы событий)³ для подтверждения факта сбоя, обязанность по устранению технической ошибки в разумный срок;

– меры в отношении третьих лиц – истребование электронных доказательств из государственных информационных систем с гарантией целостности данных.

По способу инициации в электронной среде цифровые меры процессуальной защиты можно классифицировать в зависимости от формы инициации – активной или пассивной (автоматическое применение).

Активная форма инициации применения цифровых мер процессуальной защиты предполагает, что лицо, участвующее в деле, само-

³ Хронологические записи о происходящих в системе событиях, которые автоматически создаются операционными системами, приложениями, серверами и сетевыми устройствами.

стоятельно инициирует применение меры защиты такими способами, как:

– подача ходатайства о применении меры защиты через личный кабинет в системе «Мой Арбитр» с автоматической фиксацией времени подачи;

– использование функции «Сообщить о проблеме» в интерфейсе электронного кабинета для оперативного реагирования судом;

– направление заявления о фальсификации электронного доказательства с приложением метаданных и хэш-сумм⁴ [9; 10].

Пассивная форма инициации – это автоматическое применение мер защиты как реакция на нарушение порядка осуществления субъективного права в целях его восстановления:

– автоматическое продление процессуального срока при официальном подтверждении недоступности системы в последний день срока;

– автоматическое дублирование уведомления по альтернативному каналу при отсутствии подтверждения прочтения в течение 24 часов;

– автоматическая блокировка подозрительной активности аккаунта с последующим уведомлением владельца.

По объекту цифровые меры процессуальной защиты могут классифицироваться в зависимости от процессуального права, которое нарушено или в отношении которого существует угроза нарушения.

⁴ Метаданные – это структурированная информация, встроенная в файл, которая описывает его свойства и контекст использования. Они создаются автоматически программами или устройствами, участвующими в создании файла, но могут добавляться вручную, а именно: технические параметры – размер файла, тип, формат, разрешение, кодек; описательные характеристики – название, ключевые слова, описание; административные сведения – автор, правообладатель, дата создания, версия ПО; геопространственные атрибуты – GPS-координаты (для фото). См.: EXIF, метаданные фото и документов: извлечение, анализ и инструменты (ExifTool, MetaPic и другие) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/Technolady/354812.php> (дата обращения 16.02.2026). Хэш-сумма (от англ. hash – путаница, мешанина) – последовательность символов фиксированной длины, полученная путем преобразования произвольных исходных данных (числа, текста, файла и др.) при помощи специального математического алгоритма, которая однозначно соответствует этим исходным данным, но не позволяет их восстановить. Если хотя бы один байт в файле изменится, хэш-сумма полностью преобразится, что делает ее отличным индикатором целостности данных. См.: Энциклопедия «Касперского» [Электронный ресурс]. URL <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/hash/> (дата обращения: 16.02.2026).

Например, цифровые сбои не должны лишать лицо права на судебную защиту. Поэтому в случаях технических сбоев право на обращение в суд может быть обеспечено в активной (инициативной) форме путем предоставления альтернативного канала подачи документов либо технической помощи аппарата суда. В пассивной (автоматизированной) форме право на обращение в суд может быть обеспечено автоматическим продлением процессуального срока при официальной фиксации недоступности системы в последний день срока. Автоматическое продление в пассивной (автоматизированной) форме исключает объективную оценку судом «уважительности» причин пропуска срока обращения, но требует совершенствования процессуального законодательства в части форматов подтверждения, алгоритмов фиксации, исключений злоупотреблений со стороны лиц, участвующих в деле.

При выявлении «цифровой уязвимости» лица, участвующего в деле (отсутствие КЭП, нестабильный интернет, низкая цифровая грамотность), суд по ходатайству данного субъекта или по собственной инициативе устанавливает порядок взаимодействия через альтернативные каналы без ухудшения процессуального положения данной стороны (например, прием документов на бумажном носителе с последующей оцифровкой аппаратом суда). Такая мера компенсирует цифровое неравенство, обеспечивая реальное, а не формальное равноправие сторон, что соответствует активной роли суда в механизме охраны процессуальных прав.

Специфические цифровые меры процессуальной защиты применяются и в тех случаях, когда сторона реализует право на заявление о фальсификации электронного доказательства (ст. 161 АПК РФ). В данном случае возникает необходимость в проведении верификации электронно-цифровых доказательств [2, с. 11–12], что на сегодняшний день является проблематичным из-за отсутствия нормативного закрепления критериев оценки электронных документов, о чем неоднократно указывалось в научных исследованиях [8].

По общим правилам арбитражного процессуального законодательства, доказательство считается допустимым, если данные получены и представлены в порядке, установленном АПК РФ и применимыми законами, а источник

данных, способ их получения и обеспечение подлинности соответствуют нормам.

Таким образом, критериями допустимости цифрового доказательства являются:

- легитимность источника данных, которая складывается из наличия у лица, представившего доказательство, права на доступ и полномочий на использование и передачу информации;

- соблюдение формата представления доказательства: формат файлов, метаданные, электронная подпись, целостность данных;

- соблюдение процессуальных правил представления доказательств в арбитражном процессе;

- отсутствие манипуляций с данными (сохранение неизменности, защитные меры против подмены и утраты информации);

- требования к цифровой подписи и сертифицированным средствам защиты информации в соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи» и регламентами ФСБ/Минцифры.

Как следствие, в рамках проведения технической экспертизы, которая назначается в специализированной организации, имеющей лицензию на работу с цифровыми доказательствами, должна быть проведена проверка метаданных, хэш-сумм, истории редактирования файла, цифровой подписи.

Такая мера, как назначение экспертизы, обеспечивает реализацию права на состязательность в цифровой среде, позволяет стороне оспорить достоверность электронного доказательства с использованием специализированных технических средств.

В целях определения существенных признаков цифровых мер процессуальной защиты следует провести анализ соотношения цифровых мер процессуальной защиты и превентивно-обеспечительных мер по следующим критериям:

- временный характер применения меры: цифровые меры процессуальной защиты применяются после нарушения права, превентивно-обеспечительные – до возможного нарушения;

- целевое предназначение: цифровые меры процессуальной защиты направлены на восстановление нарушенного права, превентивно-обеспечительные предотвращают нарушение процессуальных прав;

– инициация применения: цифровые меры процессуальной защиты применяются преимущественно по ходатайству стороны, а превентивно-обеспечительные – преимущественно по инициативе арбитражного суда.

В качестве примера цифровых мер процессуальной защиты можно привести восстановление процессуального срока при сбое системы: применяется после нарушения, восстанавливает нарушенное право на обращение в арбитражный суд с соответствующим заявлением, применяется либо по инициативе правообладателя, либо в процедуре автоматического применения как реакция на нарушение порядка осуществления субъективного права. А такую меру, как предварительная проверка связи перед судебным заседанием в форме ВКС/онлайн, следует рассматривать как превентивно-обеспечительную, направленную на предотвращение нарушения права на участие в судебном разбирательстве.

В целом можно сделать вывод, что цифровые меры процессуальной защиты и превентивно-обеспечительные меры образуют единый контур охраны прав в цифровом процессе: первые восстанавливают право *post factum*, вторые предотвращают его нарушение *ex ante*.

Анализ соотношения цифровых мер процессуальной защиты и мер процессуальной ответственности по определенным критериям позволяет сделать вывод, что данные меры имеют существенные различия, которые указывают на их самостоятельность и идентичность в системе процессуальных гарантий. Так, целевым предназначением закрепления в нормативном материале мер процессуальной защиты, как было выявлено, является их способность восстанавливать права потерпевшего, а цифровые меры процессуальной ответственности направлены на наказание нарушителя.

Условием применения цифровых мер процессуальной защиты является факт нарушения права независимо от вины, меры процессуальной ответственности применяются при виновном противоправном поведении.

Последствия для нарушителя цифровых мер процессуальной защиты проявляются в обязанности восстановить право (без дополнительных санкций), меры процессуальной ответственности носят характер претерпевания либо имущественных санкций (судебный штраф), либо неимущественной санкции личного претерпевания (удаление из зала судеб-

ного заседания, иные санкции). Например, при ошибке системы повторное направление уведомления рассматривается как цифровая мера процессуальной защиты, а загрузка вредоносного файла в материалы дела может повлечь штраф.

Вместе с тем цифровая мера процессуальной защиты не исключает применения меры ответственности, если нарушение права было вызвано виновными действиями субъекта. Например, при умышленной фальсификации электронного доказательства суд может исключить доказательство из дела (мера защиты) и наложить судебный штраф (мера ответственности).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Адаптация процессуальных мер защиты к условиям цифровизации экономического правосудия не означает отказ от фундаментальных принципов, заложенных в теории процессуальных гарантий. Напротив, это эволюция восстановительной функции права, которая приобретает новые инструменты для противодействия технологическим угрозам.

Конечно, как и в традиционной модели, целью цифровых мер процессуальной защиты является восстановление нарушенного процессуального права, что обеспечивает реальную, а не формальную защиту интересов стороны.

К традиционному основанию (противоправное поведение) добавляется новая категория – объективная цифровая невозможность реализации права, подтвержденная техническими доказательствами. Наряду с ходатайством стороны появляется механизм автоматического применения мер защиты при срабатывании алгоритмов (восстановление срока, дублирование уведомлений). Вводятся новые виды защиты, не имеющие аналогов в бумажном процессе (верификация электронных доказательств, ревизия алгоритмических решений, экстренный перевод в очный формат). Арбитражный суд наделяется полномочиями, которые оказывают трансформирующее воздействие на его функции в процессе, а именно полномочиями «цифрового арбитра». Оставаясь главным гарантом восстановительной функции правосудия, арбитражный суд наделяется интегративной функцией, сочетающей правовую компетенцию с пониманием технологических аспектов.

Несомненно, для эффективности цифровых мер защиты требуется их императивное закрепление в АПК РФ, что обеспечит правовую определенность и единство судебной практики.

Только при условии комплексной адаптации восстановительного механизма к циф-

ровым реалиям цифровизация арбитражного процесса станет не угрозой, а действенным инструментом повышения доступности, эффективности и справедливости экономического правосудия, где технологии служат защите прав, а не создают новые барьеры для их реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук. – Москва : Наука, 1979. – 229 с.
2. Маколкин Н.Н. Институт аутентификации и верификации в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Н.Н. Маколкин. – Казань, 2023. – 248 с.
3. Архиреев Н.В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики / Н.В. Архиреев // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 5–20.
4. Бутылин В.Н. Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан : учебное пособие / В.Н. Бутылин. – Москва : Изд-во Рос. экон. акад. им. Г.П. Плеханова, 2002. – 204 с.
5. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е.В. Васьковский. – Москва : Бр. Башмаковы, 1913. – 691 с.
6. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения / Н.А. Чечина. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 68 с.
7. Ярков В.В. Юридические факты в гражданском процессе / В.В. Ярков. – Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. – 582 с.
8. Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права / под ред. Д.Х. Валеева, А.Г. Нуриева. – Москва : Проспект, 2024. – 80 с.
9. Козин И.С. Метод обеспечения безопасности данных при их обработке в блокчейн-системе за счёт применения искусственных нейронных сетей : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 2.3.6 / И.С. Козин. – Санкт-Петербург, 2022. – 21 с.
10. Тетюшин А.В. Методический инструментальный инструментарий формирования отчетной информации об операциях с цифровыми финансовыми активами : дис. ... канд. экон. наук : 5.2.3 / А.В. Тетюшин. – Москва, 2024. – 150 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловых Светлана Жорисовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Solovykh Svetlana Zhorisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 16.04.2026. The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 19.05.2026.